

Рассказы члена Союза писателей СССР Виктора Слипечука напоминают яркий калейдоскоп из тончайших наблюдений над природой, бытом и характерами людей. Поэтому читаются они легко, непринужденно. В этом может убедиться каждый, ознакомившись с предлагаемой подборкой рассказов. Они были написаны давно, темы и герои этих новелл разные, но всех их объединяют доверительная авторская интонация, тонкий психологизм, отчётливый гуманистический посыл. При этом автор не отвлекает внимание читателей на пустяки, а ищет ответы на ключевые вопросы бытия: что такое настоящая любовь, зачем мы живем, в чем предназначение человека.

Земляника

Лунза – это таёжная деревушка. Она живёт у подножия двух сходящихся сопков и имеет свою речку. Лунза живёт тихо. Она живёт тихо и ждёт дождя. В дождь лунзовская

Ты любишь солнце?

Я раздвинул орешник и спросил: – Ты куда идёшь? – Я иду в Нафлегент. Она опустила на траву чёрную хозяйственную сумку, и я догадался, что ей тоже хочется поговорить. – А ты там хоть раз была? – Нет, не была. – Да-а, – глубокомысленно сказал я, потому что она шла совсем не в ту сторону, и неторопливо выбрался на тропинку. – Ты виноград рвёшь? – Нет, не виноград. Я развязал рюкзаки и достал полную кепку кишмиша. Она взяла кепку, а я сел и стал завязывать шнурки из сырой кожи. – Как вкусно – на увале нашёл?! – Нет, не на увале. Я двумя руками натянул шнурок и, постукав каблук, оббил грязь. – У тебя ботинки и шнурки как у альпиниста. Её замечание мне понравилось, и я сказал: – Вот идёшь ты не туда. Нафлегент на севере, а ты идёшь на Лунзу. Ты давно идёшь? – С утра. Она перестала есть кишмиш, и я понял, что идти на Лунзу ей не хотелось. – Ладно, не переживай, я тебя выведу на просеку, а там прямо пойдёшь и будешь в Нафлегенте. – А ты сам когда там был? – Дней пять назад. В Нафлегенте попадаются заброшенные сады. – А кто их забросил? – Корейцы. Они тут целыми семьями прятались от войны, а потом как переселенцы разбегались кто куда. Я подсел к кепке. Кишмиш был сладкий и пах осенью. Но если бы не паутинки, скользящие по небу, и не первая золотая листва, то вполне можно было бы подумать, что в лесу еще лето.

Зной

Позвякивая цепью, Джек рыл прокладную ямку возле летней кухни. Его обвисающие, раздвоенные мухамы уши кровоточили. Джек клал зубами. Солнце падало прямо во двор. Жар проникал даже в тень. Вода в кувшине, сверкая на солнце, ослепляла меня. Я караулил брата, норовя его облить. Мне было весело. Мои трусы и майка были мокрыми. Брат с тазиком воды прятался за калиткой. Неожиданно на парковке подвёх отец. Брат вылил воду и открыл калитку, я плеснул ему прямо в лицо. Отпрянув, он крикнул: – Папка! Папка у калитки поскользнулся, едва удержавшись за забор. – Ах ты, сукин сын! Подняв сухую короткую палку, он схватил брата за руку. Тазик выпал, и Джек, скользя скобкой цепи по проволоке, побежал в другой конец двора. Я спрятался за летней кухней. – Ах ты, сукин-сын, лить-под-ноги! Ах ты, сукин-сын! Папка бил Кольку, моего брата. У меня закружилась голова, и я сел на поленицу дров за летней кухней.

речка несёт такие воды, что по ней можно сплавлять лес. И Лунза сплавляет лес.

Сейчас по дну речки прыгает тоненький родник. Этот родник журчит как заводной. Но мы очутились в Лунзе не для того, чтобы слушать родник. Нам нужна Лунза для ночёвки. Сашка Каримов обещает мне завтра сплошное удивление. У Сашки в кармане карта, нарисованная синим карандашом. По этой карте мы найдём одно место. Это место называется Китайской крепостью. От Лунзы до Китайской крепости подать рукой, но идти туда, глядя на ночь, нет смысла. И мы с Сашкой заходим в первую от дороги избу.

– Здравствуйте, – говорим мы с Сашкой. – Здрорвы, здорвы, – отвечает нам бабка.

Она шевелится у печки, и её трудно разглядеть. С улицы всегда так, пока не привыкнешь к полумраку. Бабка ставит две табуретки, и мы садимся.

– К деду, поди? (Бабка перестает шевелиться.)

– Нет, нам переночевать. Мы за ягодой.

Бабка опять у печки, и мы видим, что она вываривает белё. Сидеть с рюкзаками неудобно, и мы кладем их в угол возле входной двери.

– Свету бы дала – пакошь належит.

– Зачем свету? Вы бы нам постелили, а то мы и на машине ехали, и пешком шли, – сказал Сашка.

Бабка передвигается в горницу, и мы слышим, как за ситцевой занавеской она справляет постель.

В кухне, возле печки, две табуретки и лавка. На лавке ведро с водой и алюминиевым ковшом. Ещё в кухне самодельный стол, накрытый вытертой до дыр клеёнкой. По клеенке гуляют мухи и нюхают крошки. Это не голодные мухи.

– Ты любишь солнце?

Она сбросила спортивные туфли и села напротив меня, поджав ноги.

– Солнце и дурак любит.

Наверное, я ответил слишком сердито, потому что она сразу отскочила и стала смотреть на заросли тайги. Тогда я и посмотрел и увидел, как ветерок спросонья вздохнул и дикие клёны забормотали вначале торопливо: «Что пришли, что пришли?» – а потом всё тише и тише.

– И птица что-то нет, – с грустью заметила она.

– Зато сейчас грибов и ягод полно.

Наверное, я опять сказал сердито, потому что она встала и, взяв сумку, попросила:

– Ты мне только дорогу покажи, я сама пойду.

Я начертил на земле, как ей надо идти, и она пошла.

Она пошла, а на душе у меня какое-то предчувствие сделалось. Рву кишмиш, а сам всё думаю – вот заблудится, и чего ей в Нафлегенте надо?! Там же никто не живет, там же одни фанзы, да и те мертвые. Зайдёшь в фанзу, а она сыростью дышит. Плесень. Паутины качаются, совы бегают, крыльями хлопают, и мыши пищат, как в погребке. И чего ей там надо?!

«Ты любишь солнце?» – Странная какая-то. Кто же его не любит?! Я посмотрел на солнце и решил поторопиться, так как оно стояло далеко за лесом, и в зарослях кишмиша уже зашевелились сумерки.

К устью я вышел ночью. Огромная красная луна, словно только что вынесенная из кузницы, лежала между двух сопков и очень была похожа на планету, на которую ходят пешком. У самого большого валуна я снял рюкзак и прилёг на камни, чтобы напиться. Вода напывала на щёку, я поднимал глаза, и розовая дорожка, прыгая по камням, доставала до самой луны.

«Ты любишь солнце?» – «Конечно».

В низовье ручья протрубили изюбры. И сразу тайга ожила, зашумела.

– Ах ты, сукин-сын!

Колька не мог высвободить руки и от боли крутился на месте. Он не плакал, а в такт страшным ударам выкрикивал:

– Ой, больш-не-буду! Ой, больш-не-буду!

Отец бил яростно и иступлённо, как будто бил себя.

Мне было холодно, я дрожал. Мама выскочила из летней кухни и стала бросать в него ледяные комья.

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– Ты что делаешь, Тихон?! Ты что делаешь?! Обед съел!

– С салтыновских?

– Нет, мы из геолого-разведочной партии, – говорю я.

Бабка двигается согнувшись. Мы с Сашкой заходим в горницу. В горнице намного светлее. Я смотрю на семейные фотокарточки, выставленные в большой жёлтой рамке. Их много, как на витрине в фотографии. С фотокарточек улыбаются причёсанные мальчики и девочки с бантиками. Бантики у девочек в косичках, а у мальчиков на груди. В самом верху рамки трое военных со шпалами на воротниках, а в центре, впереди них, сидит молодая особа в вычурном кресле. Трое военных молчат, а женщина хочет улыбнуться.

Мы с Сашкой ложимся на постель, собранную из потёртых фуфак, и задумываемся, чтобы уснуть.

Потом я встаю у выходу на кухню. Бабка сидит на табуретке, и свет от печки играет на её руках. Руки у бабки большие и старые. Она их держит в подоле, как в тазике.

– Бабушка, там, в рюкзаке, у меня есть – для дедушки, пусть возьмёт.

Бабка согласно кивает. Голова у бабки белая-белая, как в извёстке. Ухожу спать.

Утром мы встаём вместе с солнцем и умываемся в роднике. Бабка нам ставит яичницу и полбутылки водки. Бутылка заткнута газетной пробкой.

– Дед вчера добрался – не растолкашь.

Мы с Сашкой смеёмся и оставляем водку без внимания.

Примерно через час по Сашкиной карте мы выходим к Китайской крепости. Китайская крепость – это пеннообразная сопка. Как и всякий пен, с северной стороны она имеет дремучую растительность – нас интересует южная сторона. Здесь в траве должна быть земляника. Здесь должна быть земляника, а

Она покачала головой.

– Если хочешь, я тебе могу подарить щенка от нашего Алмаза. Ты с ним в любую ночь сможешь ходить по тайге. Умный и, чуть что, как зарычит, и шерсть за загривке дыбом.

– А тебя как звать?

Мне удивительно стало, что она меня не знает, а даже растерялся.

– Валерий, меня звать Валерий Губкин.

Мы замолчали, и вокруг такая тишина появилась, что даже слышно стало, как лунные лучи позванивают, скатываясь с листьев.

– Хочешь, я тебе этюдник подарю? Он, знаешь, какой удобный, в нем есть место и для красок, и для карандашей. А сверху, видишь, шёллофановая сумочка. Даже если в воду бросишь, то всё равно ничего не будет.

Она дала мне этюдник в руки, чтобы я тут же мог убедиться, и я убедился.

– А ты где его взяла?

– Во Владивостоке.

– Ты там живёшь?

Она утвердительно кивнула, и мы опять задумались. И опять увидели и услышали и луну, и серебряные листья, и весь-весь Нафлегент. Особенно долго я смотрел на луну. Она поднялась высоко-высоко, и теперь на нее уже надо было лететь. И я бы полетел, если бы мог, хотя на земле мне тоже было сейчас хорошо.

– Может, костёр разведём?

– Нет, так лучше.

Она легла на траву, положив голову на край рюкзака.

Прокричала сова, где-то рядом упала летучая мышь. Валя вздохнула, а я почувствовал, что она спит. Не торопясь я насобирал хворосту и разжёг костёр. Перед утром, когда прилёг, я долго-долго смотрел на луну. Она снова была большой и лежала между двух сопков, только теперь на юге. И я снова подумал о ней как о планете, на которую ходят пешком.

«...Пешком, всё это обман. На неё надо лететь, обязательно лететь...»

– Ты художник?

– Я люблю луну.

Она присела рядом со мной, и в Нафлегенте, в этой брошенной мёртвой деревне, сразу стало домашнему уютно.

– А ты знаешь, как надо собаку отучивать, чтобы она к чужим не ласкалась? – ни с того ни с сего спросил я. – Надо подговаривать её и нос натереть рукавом сильно-сильно. Подговори кого-нибудь из знакомых, пёс подбежит к нему, начнёт ласкаться, а знакомый пусть возьмёт и натрёт.

– И тогда она не будет ласкаться?

– Никогда.

– Ни с кем?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

– Нет, с тобой будет, а к чужим не подойдёт. У тебя есть пёс?

ИНТЕРВЬЮ

Владимир Косенчук: «Телевидение должно быть для людей, а не ради денег»

■ Встречайте «Рассвет» с очаровательными ведущими т/к «Просвещение»

ВАМ нравится наше телевидение? Только честно! Бесконечные сериалы про бандитов и ментов, туповатые молодежные программы, ведущие которых говорят исключительно на сленге, реклама, призывающая одновременно заниматься спортом и пить пиво...

Если нет, то скорее присоединитесь к многомиллионной аудитории телеканала «Просвещение», которому на днях исполнилось ровно год. О том, каким должно быть современное телевидение и как оно влияет на будущее страны, мы и поговорили с генеральным директором кабельного телеканала Владимиром Евгеньевичем Косенчуком.

– С какими еще сталкиваетесь трудностями?

– Мы не можем привлечь к работе у нас профессионалов с других телеканалов, так как они выросли в другой среде. С 90-х годов они приучены свои программы строить на конфликте, на вызове, а у нас другой формат. Поэтому у нас работает в основном молодежь, а также профессионалы, которые и раньше занимались просвещением на ТВ. Молодежь очень тонко чувствует ситуацию и настроение в сегодняшней России, легко и быстро учится.

– Это печально! А как обстоят дела сейчас?

– К счастью, в России были и есть люди, которые хотели бы воссоздать просветительское и образовательное ТВ. Попытки предпринимались и раньше, но только в прошлом году мы собрали крепкую и сильную команду, состоящую в основном из молодежи, и такой канал начал вещание. В июле 2010-го мы получили лицензию СМИ. Мы прекрасно понимаем, как сейчас нужны социальные значимые программы. Для нас главное – люди, молодежь, которую надо растить, воспитывать.

– Государство вам в этом помогает?

– Материально – нет. Хотя моральную поддержку, конечно, ощущаем – Министерства образования, некоторых членов Совета Федерации. Но хотелось бы, чтобы власти нашли возможность немного помочь нам финансово.

– Где же вы в таком случае берете деньги на работу канала?

– Наше финансирование идет из личных средств акционеров канала. Оно, конечно, небольшое. В число акционеров входит наш трудовой коллектив, а также Академия образования РФ и Ассоциация кабельного ТВ России.

– А реклама у вас на канале присутствует?

– Нет, и это – большой вопрос. Существующая реклама не вписывается в концепцию нашего канала, поэтому мы лишены рекламных денег. Представьте, в студии сидит профессора и академики, идет серьезная философская дискуссия, и вдруг все это прерывается рекламой!

Справка «ВМ»

Телеканал «Просвещение» был создан 22 июля 2010 года при поддержке Российской академии образования и Ассоциации кабельного телевидения России. Главная задача – воздействовать на характер развития общества в целом и на каждого человека в отдельности, на его моральные, эстетические и нравственные ценности. Вдохнуть жизненные силы в образовательные и воспитательные процессы общества. Помочь молодым людям, зачастую дезориентированным или принявшим ложные жизненные ориентиры, найти себя и самореализоваться. Время вещания – 24 часа. Целевая аудитория – мужчины и женщины, дети от 12 лет. Основная зона вещания – Российская Федерация (в дальнейшем – распространение на территории ближнего и дальнего зарубежья). Доступен в спутниковом, кабельном и интернет-формате. Сайт в Интернете – <http://www.prosveshenie.tv>.

Для нас главное – молодежь

– У вас большой коллектив?

– Порядка 60 человек – это очень крепкая команда единомышленников. Каждый человек при приеме на работу проходил длительное собеседование.

– Что удалось сделать за год работы?

– У нас приличный рейтинг. По последним данным, у нас уже 7 млн абонентов по стране. Вещание круглосуточно: 16 часов в сутки идут программы, с 24.00 до 8 утра транслируется заставка с информацией. В планах – сделать активное вещание 24 часа.

– Вы чувствуете своего зрителя?

– Да, у нас очень сильная интерактивная связь со зрителями: мы получаем ежедневную массу откликов по Интернету. Кроме того, мы и сами зрители своего канала. Мы делаем его как для себя, то есть очень хорошо – постоянно что-то улучшаем, совершенствуем, меняем.

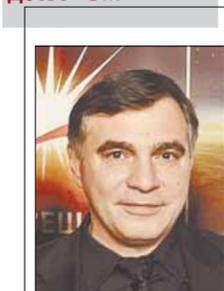
– Что вам больше всего не нравится на отечественном ТВ?

– Телевидение должно делаться для людей. Есть ведь государственные каналы, которых оно, государство, поддерживает, и материально в том числе! Но те программы и фильмы, которые на них транслируются, порой работают против этого государства – подрывают нравственные устои общества, развращают и отупляют нашу молодежь, лишают ее будущего. Но я уверен, что скоро это пройдет. Наш канал – тому подтверждение. Ведь он возник «снизу», по нашей собственной инициативе, а не по указке сверху. Мы просуществовали целый год, и у нас много планов на будущее. Мы делаем большое дело – нас смотрят. Просвещение для нас не ширма, а возможность реально влиять на умы молодежи. А на ниве просвещения не может и не должно быть конкуренции: мы все вместе должны делать одно общее дело.

– Успехов вам! И с днем рождения телеканала!

Беседавала Наталья РОГОЖИНА

Досье «ВМ»

Владимир Евгеньевич КОСЕНЧУК родился 22 июля 1951 года в Москве. Окончил техникум железнодорожного транспорта по специальности «радиосвязь и радиовещание на железнодорожном транспорте». После службы в армии работал инженером на телевидении в программе «Время». Окончил Московский политехнический институт по специальности «радиоинженер». С Михаилом Горбачевым объездил полимра (руководил группой монтажа). Работал на ВТРК, 15 лет – в японской телекомпани «Асахи», в которой стал профессиональным телеоператором. Затем вернулся на российский ТВ в качестве замначальника комплекса телерадиопроизводства «Останкино», впоследствии его возглавил. В данный момент – гендиректор телеканала «Просвещение». Является автором и ведущим многих телепрограмм. 31 год на ТВ.